

— Ой, генерал! С такими ранами вам на ветер нельзя! — Голос капитана вновь взвился, словно похоронный плач.

— Тогда я оглашу указ здесь, у шатра. Генералу Юаню не нужно кланяться, достаточно будет выслушать, — предложил евнух, не привыкший к подобным спектаклям. Будь на его месте один из постоянных посланцев, тот, возможно, просто оставил бы указ и ушёл.

Армия клана Юань частенько устраивала такие представления, и Юань Сяо вместе со своими бойцами не раз «получал тяжёлые ранения».

Эта уловка перешла к нему от отца, и в Армии клана Юань вошло в привычку отмазываться от коленопреклонений перед указами «тяжёлыми ранениями».

Армия клана Юань, как ясно из названия, изначально была частным войском семьи Юань. Виноват во всём был их излишне прямодушный предок, который после основания династии без колебаний сдал военную власть. Да и связи между семьёй Юань и Основателем в те времена были слишком тесны. Почти пятьдесят лет после основания государства это формирование было, по сути, не столько Армией клана Юань, сколько войском, содержащимся специально для императорского дома.

Основатель вверил эту армию предку Юань, повелев его потомкам из поколения в поколение служить полководцами, расширяя границы государства. Хотя Армия клана Юань и находилась под надзором Министерства обороны и Министерства финансов, командование ею всегда оставалось в руках семьи Юань, и большинство солдат «знали лишь генералов Юань, а не императорские приказы».

Но сердца переменчивы. Императоры сменяли друг друга, Армия клана Юань тоже передавалась по наследству. Правители вечно опасались, что её заслуги затмят их собственные, а сама армия боялась, что двор, добившись своего, обойдётся с ней, как с зайцем, которого варят в собачьем котле. Так это войско постепенно превратилось в головную боль для императоров. Те всеми силами старались обрезать его когти, изыскивая любые способы вернуть военную власть. К поколению отца Юань Сяо Армию клана Юань уже лишили клыков и когтей, превратив из тигра в большого домашнего кота.

Неудивительно, что Армия клана Юань не желала преклонять колени перед императором. Опасения двора по отношению к этому войску были прописаны чёрным по белому. Не только лучшие части были переведены в другие соединения, но и жалованье им всегда было самым скудным, провизия — худшей, снаряжение — самым убогим. Обычно им не давали возможности отличиться в мелких стычках, бросая в бой лишь в сражениях не на жизнь, а на смерть.

Победа — заслуга других. Поражение — их вина. Если бы не непоколебимая верность семьи Юань, они бы давно последовали примеру переворота у моста Чэньцяо, и престол уже носил бы другую фамилию.

Оставалось лишь бунтовать по мелочам, время от времени заставляя своего командира «получать тяжёлые ранения», чтобы избежать унижительного коленопреклонения. Обычно евнухи с пониманием относились к этому и не доносили императору. Да и Армия клана Юань уже ничего не боялась. Их положение и так достигло дна — хуже не станет, разве что император решится нарушить завет предков и распустить их.

Поэтому евнухи, как правило, не горели желанием являться в лагерь Армии клана Юань. Их там никто не встречал с почестями, подношений не полагалось, а ещё приходилось терпеть

этот театральный надрыв — сплошные убытки.

— Коль указ оглашён, я не стану задерживаться.

— Проводите господина евнуха! — из шатра донёлся голос Юань Сяо, звучный и полный сил, без малейшей хрипоты. Евнух поспешно отклонил церемонию, торопясь покинуть лагерь, пока у него не случился припадок от возмущения.

— Генерал, ушёл, — капитан высунулся, поглядел на удаляющуюся лошадь евнуха и доложил, вернувшись. — Что прикажете?

— Возвращаюсь в столицу с отчётом. — Беспокоюсь за Тан Юаня. Боюсь, как бы с ним чего не случилось по прибытии. Статус у него щекотливый — если что, дело выйдет нешуточное. Должен вернуться и проведать. — Юань Сяо натянул одежду, набросил кольчугу, взял указ и меч, направился к конюшне, вскочил на своего любимого коня и тронул поводья. — Пошли, Черныш!

Черныш был любимым конём генерала Юань Сяо — выше человеческого роста, вороной масти, с четырьмя белыми «носками», ясноглазый и крепконогий. Порода называлась «Вороной, ступающий по снегу» и считалась подношением из-за границы. Таких коней император использовал на охоте и изредка жаловал особо отличившимся сановникам. Но Черныш Юань Сяо не был пожалован — он сам поймал его в степях. Конь был дикарь, нравом строптив и горд, укрощать его было нелегко.

Странное дело — но с Тан Юанем этот конь становился удивительно покладистым, позволял гладить себя и оседлать. Тан Юань и дал ему кличку «Черныш». С тех пор конь признавал только это имя и шёл лишь тогда, когда его звали «Черныш». А если Тан Юань сам окликал его «Черныш» и угощал пригоршней свежей травы — тут уж совсем беда: в тот вечер конь мог сожрать лишний ворох сена.

Черныш фыркнул и рванул из конюшни, взметнув за собой облако пыли на грунтовой дороге.

Чтобы поскорее добраться до столицы, Юань Сяо скакал проселочными тропами, не останавливаясь даже ночью. К счастью, Черныш был скакуном первоклассным — и днём, и ночью нёсся без усталости. Ранним утром, когда городские ворота только распахнулись, а лотки с завтраками ещё не расставили, Юань Сяо и Черныш уже были у входа.

— Стой! Кто идёт?

— Генерал-защитник государства Юань Сяо, по высочайшему указу возвращаюсь в столицу для отчёта, — отозвался Юань Сяо, не слезая с седла. Подскакав к самым воротам, он осадил Черныша и развернул перед стражником императорский свиток. Пока тот в панике соображал, как бы повалиться на колени, Юань Сяо был уже внутри.

В черте города скакать верхом запрещено.

Как только он въехал и народу вокруг прибавилось, он спешил и повёл Черныша в поводу, остановившись у одного из завтрачных лотков.

— Три лепёшки с мясом да миску каши, — заказал он, усаживаясь на табурет и наблюдая, как хозяин ловко переворачивает лепёшки на сковороде.

Вокруг постепенно оживал утренний базар: торговцы раскладывали товары, в город тянулся

народ. В котле булькала каша, пар поднимался столбом, смешиваясь с лучами восходящего солнца, — от этой картины на душе становилось тепло и спокойно.

Наконец-то он вернулся.

— Молодой господин, а пропуск на въезд у вас имеется? — спросил Се Саньчуань, подъезжая к городским воротам и встраиваясь в очередь из телег.

— Как же, — лениво отозвался из глубины повозки Тан Юань, всё ещё не до конца проснувшийся после раннего подъёма. — Скажи, что я — Тан Юань, император мне дядюшка, Тан Циюнь — бабушка, а матушка — старшая принцесса.

— Молодой господин, не шутите так. Без пропуска стража не впустит.

— Да брось ты эти формальности. Я не шучу. Я и вправду Тан Юань, а Тан Юань — это я. В былые времена, когда я здесь барствовал, какой стражник посмел бы меня задержать? — Эй, да ты что, не веришь?

Очередь двигалась быстро, и вскоре подошла их очередь.

— Цель визита в столицу? — поинтересовался стражник. Молодой ещё парень, развалился, как тряпичная кукла, у стены за воротами, попивал чаёк из горшочка и с видом полнейшего пофигизма допрашивал входящих. Видно, только-только заступил на смену. Когда Юань Сяо въезжал, его ещё не было, а к приезду Тан Юаня он уже занял пост.

— Навестить родственников... — начал было Се Саньчуань, но Тан Юань перебил его, не вылезая из повозки:

— Ого, да ты важнее меня тут! Кого навестить-то? Вылазь-ка, покажись.

— Тебя навестить! — Тан Юань откинул полог повозки и высунулся, широко улыбаясь. — Ян Сян! Что это ты не по садам гуляешь, а у ворот околачиваешься?

— Я... ты... Да это же Танюшка! Неужто вернулся? — Увидев Тан Юаня, Ян Сян буквально вспыхнул от радости и чуть не бросился к нему, но, поймав на себе удивлённые взгляды других стражников, смущённо опустил руки и почесал нос. — Ты-то там по свету шатаешься, а меня мой старик заставил воротничком маяться.

— Император вызвал — как не вернуться? — Ладно, я поехал, как выберемся — увидимся на сторожевой башенке, угощу! — Чтобы не задерживать очередь, Тан Юань ограничился парой слов, скрылся за пологом и скомандовал:

— Брат Се, вперёд. — Давай сначала на рынок заедем, позавтракаем. Соскучился я по здешним масляным лепёшкам.

— Посторонитесь! Дайте проехать! — Се Саньчуань с трудом пробирався на телеге через шумный утренний базар, а Тан Юань так и не отрывался от оконца, глаза по сторонам. Высокие столичные дома стояли плотными рядами, по улицам сновали пешеходы и носилки. Столица была всё той же оживлённой, но казалось, стала ещё многолюднее и богаче, чем в день его отъезда.

Вдруг он будто что-то заметил, откинул полог и, подобно пуху, бесшумно выскользнул из повозки, воспользовавшись искусством лёгкого шага.

Его мастерство в лёгком искусстве было столь совершенно, что даже в толчее он мог скользить, не задевая никого. Приземлившись же перед лотком, он и вовсе казался невесомым, как перо.

<http://bllate.org/book/16265/1463556>